

УДК 93/94.167.093

А.И. СОЛЖЕНИЦЫН – ПРОВОДНИК РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ

© 2022 В.Н. Шульгин

Калининградское отделение Академии геополитических проблем

Статья поступила в редакцию 31.08.2022

Общественно-политические воззрения А.И. Солженицына являются органической частью русской свободно-консервативной традиции, явленной после Французской революции, окрепшей после 1812 года благодаря Н.М. Карамзину, В.А. Жуковскому, А.С. Пушкину, Ф.И. Тютчеву и их последователям. Явная «переключка» идей А.И. Солженицына и его предшественников по отечественному направлению консервативного самобытничества выражается в их неприятии подражательности Западу и прямом «генетическом» родстве идей.

Ключевые слова. Интеллектуальная история России, свободный консерватизм, русско-российская самобытность и самобытничество, идеологизм, подражательность «полуобразованной» интеллигенции XIX в. и «интеллигентщины» XX в.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-3-98-106

А.И. Солженицын и его творчество давно стали предметом общего интереса. При этом поражают, подчас диаметрально противоположные мнения, высказываемые как о нём лично, так и о его воззрениях. При этом ярые критики писателя и мыслителя, которым, конечно нельзя отказать в честности и патриотизме, вовсе не учитывают органическую включенность Солженицына в круг классиков отечественной консервативно-самобытнической «антизападнической» традиции, у истоков которой стояли М.В. Ломоносов, Д.И. Фонвизин, Н.М. Карамзин. Это великое направление отечественной мысли и литературы затем было отмечено творчеством классиков от «Золотого» века русской культуры до «Серебряного» с А.С. Пушкиным, Ф.И. Тютчевым, И.В. Киреевским и другими славянофилами, Ф.М. Достоевским, К.Н. Леонтьевым, В.В. Розановым и другими почвенниками. Наконец, эта линия родной классики и «нашего все-

го» не могла не возродиться в советский период с М.А. Шолоховым, В.В. Беловым, В.М. Шукшиным и другими нашими великанами духа и культуры.

Одной из мощных фигур этого «возрожденного» круга стал А.И. Солженицын. Не отменяют этого капитального «идейного факта» и принадлежности к стержневой традиции отечественной классики никакие действительные ошибки писателя в подсчётах числа репрессированных и казнённых в период правления И.В. Сталина. Поскольку очевидна «генетическая» преемственность воззрений Солженицына и его предшественников по главной нашей христоцентричной русской традиции мысли и литературы. К сожалению, это, повторяю, не ведомо его критикам, иные из которых даже переходят на личности. Так, генерал-майор в отставке А. Пыльцын отозвался о Солженицыне как «человеке не порядочном, подлом, лживом» на основании его неприятия И.В. Сталина в бытность офицером во время Великой Отечественной войны¹. Автор «разгромного» материала не учитывает, что молодой Солженицын периода Войны был

Шульгин Владимир Николаевич, доктор исторических наук, действительный член Академии геополитических проблем (Калининградское отделение). E-mail: shulgin_vladimir@mail.ru

человеком марксистского советского воспитания. Он критиковал практика Сталина с «книжно-теоретической» точки зрения. Офицер опирался на вымышленный «гуманизм» чистого, так сказать, марксизма-ленинизма, до поры до времени не учитывая бездуховности и утопизма «теории». Лишь в лагере и «шарашке» Солженицын стал отходить от утопических марксистских воззрений и примыкать к классической отечественной консервативной традиции «по Пушкину, по Тютчеву»².

Далее критики указанного рода абсолютно не учитывают того, что, во-первых, антисталинские позиции молодого Солженицына были типичны для думающей дерзновенной молодёжи сталинского времени, и, во-вторых, что взрослевшие критики «красного Августа» постепенно идейно «правили». Так, всем интересующимся этой проблемой известно, что такой классик современной социологии как А.А. Зиновьев ещё «левым» юношей до Войны задумал убийство Сталина как искажителя марксизма-ленинизма, однако, позднее признал величие «вождя», отвергая нападки на него в хрущевское время. И у Солженицына в публицистических работах уже 1960-1970-х гг. находим положительные суждения о Сталине. Так, в пространном «Письме вождям Советского Союза» (1973) писатель-мыслитель справедливо призывает предать забвению мёртвый марксизм и перейти к национально-ориентированной политике, беря в пример Сталина, который «от первых же дней войны» отбросил «порченную подпорку идеологии» и «развернул... старое русское знамя, отчасти даже православную хоругвь, – и мы победили!»³.

Продолжают спорить о Солженицыне и подлинные ученые-исследователи. Однако и у них заметен разноречивый во взглядах. Более того, в одном и том же органе, в том числе просвещённом, как «Литературная Газета», можно встретить почти противоположные оценки творчества писателя-мыслителя. Читаем «сбалансированные» статьи учёных А. Казина и А. Севастьянова, обративших

внимание на «непреодолимую заслугу» Солженицына, «разрушителя ложной идеологии» при опоре на «русский патриотизм», от которого всегда шарахались представители космополитической «образованщины»⁴.

С другой стороны, академик В. Маслов и ряд других авторов говорят Солженицыну «Не верю!», делая упор на якобы ошибочность его «идеологии» в духе Александра III. Зато они верят то либеральным деятелям Февраля 1917 г., то «классикам марксизма-ленинизма»⁵. Словом, «всё смешалось». Представляется, что надо поискать спасительную точку опоры, позволяющую расставить по местам главное, отбросить явный идеологический хлам, не путать «великое» с «малым», помнить, что *истина одна*. Причём она достигается лишь в согласии с «духом народности», воспетым А.С. Пушкиным, Л.Н. Толстым, всей традицией отечественной классики XIX–XX вв.

Национальный поэт, будучи врагом «чужеземного идеологизма»⁶, призывал искать истину «с искренностью», понимая, что «нет убедительности в поношениях и нет истины, где нет любви»⁷. Эта руководящая мысль постоянна у Пушкина и его последователей. Так поэт по сути благословляя младой круг близких ему авторов, будущих представителей *русского воззрения* (этим «славянофильским» именем их назовут в 1840-е гг.), призвал вдуматься «с любовью в сочинения Веневитинова (ибо *одна любовь даёт нам полное разумение*)», приводя в «созвучие» ум и сердце⁸.

Эта «методология любви», наследие русской классики, и должна стать руководящей в размышлениях над творениями А.И. Солженицына. Такой подход приводит к оптимальному «исследовательскому» настроению. Он побуждает видеть достоинства, ничего не замалчивая, понимая, что «человеку свойственно ошибаться» в отдельных вещах. При этом исследователь научается отделять главное, а именно ценные зёрна истины, добытой его героем, от второстепенного – плевел, порождённых разными привходящими обстоятельствами

ми и естественными частными заблуждениями, бывающими и у великих. Пушкин, руководствуясь этим отправным началом любви, ценящей наследие, в споре с неприятелями Н.М. Карамзина, учил: «Уважение к именам, освященным славою, не есть подлость (как осмелился кто-то напечатать), но первый признак ума просвещенного. Позорить их дозволяется токмо ветреному невежеству...»⁹. Поэт потому и призвал молодого В.Г. Белинского, этот «талант, подающий большую надежду», совокупить воедино «более учености, более начитанности, более уважения к преданию...»¹⁰.

Примером объективного «пушкинского» подхода к оценке достижений Солженицына является отзыв В.Г. Распутина, классика русской словесности XX в. В 2008 г., поминная почившего Солженицына, он так суммировал самое главное: «Солженицын безусловно гений – от первой своей книги до последней <...> Он любил свою Родину так, как мало кто из нас может любить. Александр Исаевич – правдолюбец в литературе и в жизни. “Жить не по лжи” – самый главный его завет»¹¹. Аналогично и Ю.М. Поляков, известный литератор и учёный, отвергая «нелюбовь» Солженицына «к советской версии нашей государственности», понимая её личные основания, приведшие к явным перекосам в «Архипелаге ГУЛАГ», признаёт бесспорно «выдающийся» характер подлинных достижений писателя. В числе последних он называет и «Один день Ивана Денисовича», который «должен прочесть каждый старшеклассник», и эпопею «200 лет вместе», относящуюся к болезненному во многом «русско-еврейскому вопросу», – это проявление честной гражданско-патриотической позиции мыслителя, которую поддержала «Литературная Газета»¹².

Итак, если мы уловим дух национального предания или *русской идеи*, то сумеем найти верную точку опоры, позволяющую оценить абсолютно бесспорные достижения Солженицына, понимая, конечно, что никакой человек не безгрешен и даже у Платона есть, по крайней мере, одна част-

ная ошибка (есть они и у Солженицына). Если же наоборот, мы будем в духе беспочвенной «интеллигентщины»¹³ продолжать искать «истину», зашоривая свой взор «социально-классовым подходом», то есть «чужеземным идеологизмом», столь ненавистным Пушкину, то ничего кроме застарелой лжи не обретём, не умея вырваться на «русское поле», завязнув в гибельной западной интеллектуальной трясине, всё болтаясь «от Канта к Марксу» и наоборот.

Многое в отношении к Солженицыну зависит даже не от «идеологических» пристрастий, а от элементарной добросовестности, от инстинктивного «добротолюбия». Так, Э. Лимонов, не так давно умерший, известнейший представитель «русской левой», честный писатель и «большевик», при всём неприятии ряда идей Солженицына отдавал ему должное, открестившись от своих прежних «подсмеиваний» над ним. Он утверждает, что Солженицын был «“большим зверем” по величине таланта». Его «высокие проявления литератора» проистекли оттого, что он был дерзновенным «идеологом крупного размера», имевшим «много таланта». Лимонов говорит о «трагическом человеке», которому не довелось увидеть торжество своих идей, с некоторыми из которых критик согласен, например, возврата единства братских народов – великороссов, малороссов, белорусов. Величие писателя, утверждает Лимонов, особо бросается в глаза сегодня, когда «мир литературы – в кризисе»¹⁴.

Приведены отзывы современных писателей и учёных, стремящихся понять вклад Солженицына в отечественную мысль. Однако, не всем критикам достаёт понимания достигнутой Солженицыным идейной «смычки» с бесспорными достижениями Русской национальной классической традиции, то есть её рецепции в то время, когда почти никто не понимал, что такое единая Русская традиция «от Ломоносова и Фонвизина до Карамзина и Пушкина», а от последних – к классикам славянофильства, почвенничества и русского Серебряного века.

Солженицын же в полной мере усвоил её достижения, прежде всего, *дух народности*. Это видно из его гениальных произведений «Письмо вождям Советского Союза» (1973), «Образованщина» (1974), «Наши плюралисты» (1982). Солженицын вполне осознал, что эта Русская традиция от времени А.С. Пушкина до поры композитора Г.В. Свиридова выкристаллизовалась в огромную по значению единицу всемирного масштаба¹⁵.

Именно её неведение проявилось в критике подходов Солженицына к истории Февраля со стороны вышеупомянутого академика В. Маслова. Поэтому ученый пенял Солженицыну за неприятие подражательного курса Петра I, «топтавшего народную душу» в создаваемом петербургском «сумрачном творении»¹⁶. Между тем известны аналогичные критические оценки Петра, сделанные Н.М. Карамзиным («Виною Пётр»), и А.С. Пушкиным («протестант царь»), обратившими внимание на отход великого преобразователя от *русизма*, и на его крен в заёмный *германизм*¹⁷.

Есть примеры неполного учёта основ Русской традиции, воспринятой Солженицыным, при вполне адекватном понимании ряда его заслуг. Такой «урезанный» подход, например, проявился в процитированной статье А. Севастьянова, посвященной анализу сборника «Из под глыб» (1974). Высоко оценивая сборник, в частности, «национально-патриотический» подход Солженицына, отвергшего «проклятия» в адрес России со стороны «западнистской» диссидентуры, критик, ничтоже сумняшеся, бросился в противоположную крайность. Он раскритиковал «возродительное» стремление Солженицына сотоварищи искать пути выхода Советской России из мировоззренческого тупика, опираясь на рецепцию дореволюционного идейного наследия, той самой Русской традиции, о которой здесь идёт речь. А. Севастьянов по-язычески осудил Солженицына и его друзей за верное дело, а именно, за «возврат к дореволюционной и эмигрантской философской традиции, густо замешанной на христианстве, на

православной морали»¹⁸. Приехали... Современная Россия, судя по этим словам автора, должна возвращаться к древним языческим Перунам, отринув идейные искания и победы прошедшего тысячелетия с лишком!

Мы убедились, что в России не преодолена «смута умов», препятствующая и верному учёту достижений Солженицына. Она выражается, во-первых, в продолжающемся западническом пленении значительной части интеллигенции, блестяще обличенном ещё Пушкиным, а в наше время лучше других раскритикованном Солженицыным (в «Наших плюралистах» и др.). Однако, многие ли знают о смычке двух отрицательных феноменов «модерна», что было осознано Пушкиным и его последователями вплоть до Свиридова и Солженицына в рамках развития Традиции, поставившей *дух народности* во главу угла? Уже Пушкин показал, что русские люди, последовательно впавшие в «чужеземный идеологизм», непременно склоняются к самоедской, самоубийственной русофобии. Так случилось с «героем» его стихотворения, типичным западником. Поэт рисует «национально-кастрированного» представителя «полуобразованного» общества, который «просвещением свой разум осветил», «правды чистый свет увидел» (ирония поэта!), «И нежно чуждые народы возлюбил, / И мудро свой возненавидел»¹⁹. Этого рода персоны в наше время ополчились на «деревенщиков», как современных представителей *русского воззрения*, и на их предтечу – Солженицына²⁰.

Во-вторых, наша «смута» заключается в довольно распространённом сегодня непонимании органического *взаимозависимого*, взаимообуславливающего единства двух столпов Русской традиции, а именно, принципа или *духа народности* и *начал православия*, с которым сроднилась русская душа. Именно вследствие непонимания их органического сродства, чему способствуют соблазны, иногда «питаемые» ошибками духовных лиц (страх иных мужей быть русскими), некоторые дерзновенные юноши и отвращаются от Православия, пытаясь искать «русскую правду» в язычестве.

Можно уверенно утверждать, что достоинства А.И. Солженицына как бесспорного классика русской словесности нашего времени проистекли оттого, что он сумел «связать оборванные нити» *Русского духовного наследия*. Он понял *политическую суть* русской идеи Карамзина, Пушкина, Тютчева, Достоевского, всего их круга великих поэтов, писателей и мыслителей, осознавших, что верховная власть в России должна быть, как говорят сегодня, национально-ориентированной, то есть «русской», что соответствует запросу всех россиян ввиду уникального жертвенного характера державного русского народа. Пушкин уяснил, что такое возвращение «русского стиля» в политику (свободные консерваторы до 1917 г. этого не добились) даст ей невиданную ни у кого в Европе внутреннюю и внешнюю силу.

Поняв эту связку между *русизмом* и потенциалом оптимальной *политики Империи*, зрелый Пушкин изрек: «Россия... есть судилище, приказ Европы. Мы великие судьи». Подразумевалось, что Россия, как своего рода вселенная, должна жить сама по себе, не стремясь «куда-то вливаться» и под кого-то «форматироваться». В конце этого сюжета (1836) поэт осудил «демократическое» лицемерие пореволюционной системы, говоря об «отвратительной власти демократии» во Франции. Та является «средоточием Европы» («западной», как затем прибавит Тютчев, также видя в России, чуждой «мерзостей папизма», главную силу Христианской Европы с её духовным центром на «третьеримском» востоке континента²¹). Пушкин, наконец, молвит полатыни: «Девиз России: *Suum cuique*», то есть *каждому своё*, имея в виду, что у России своя духовная, культурная и политическая правда, которой и надо держаться, никому не подражая, и не помогая потенциальному врагу²².

Солженицын с абсолютно той же национально-ориентированной логикой, какую видим у Пушкина и Тютчева, понявших императив *русского пути*, пытался убедить как советскую верховную власть, так и не

менее западническую в основе интеллигентскую элиту (А.Д. Сахарова и др.), выражаясь образно, пересесть на «русского коня». Именно поэтому в «Письме вождям Советского Союза» Солженицын призывал власть вспомнить свою русскую народную принадлежность, «преимущественно» задумавшись о судьбе «русского и украинского народов»²³. Попутно заметим явный пророческий потенциал этого совета-прозрения, актуальность которого особенно ощутима сегодня, во время вынужденной военной операции России в Новороссии и Малороссии (Украине).

Писатель, в полном соответствии со славянофильско-почвеннической традицией, предостерегал верхи от повторения дореволюционных ошибок «царской России». Та «бескорыстно возвышала германские державы», часто оказываясь «исполнителем чужих задач»²⁴. Подобные предостережения политическим верхам до 1917 г. безуспешно делали Н.М. Карамзин, Ф.И. Тютчев, Ю.Ф. Самарин, Ф.М. Достоевский, Н.Я. Данилевский. Аналогичные ошибки Солженицын фиксировал и в советское время (довоенная помощь Германии и послевоенная – Китаю), что обернулось страшной Великой Отечественной войной и военным конфликтом с Китаем в 1969 г. (он подразумевался). Писатель-мыслитель делал вывод о необходимости «национальных соображений»²⁵.

Предельно актуально звучит большинство политических советов верхам, сделанных Солженицыным в *духе народности*, воспетом ранее всей русской классикой. Он призывал в условиях растущих глобальных угроз взять пример со Сталина, который с самого начала войны «разумно отбросил» старую «подпорку идеологии», развернув «старое русское знамя, отчасти даже православную хоругвь, – и мы победили!» Причём, «никто не зарыдал по марксизму», с энтузиазмом приняв «как самое естественное, наше, русское». Солженицын провидчески предостерегает о неизбежном в близком будущем давлении на Сибирь многонаселённого Китая, торопя верхи перестать во имя

идеологии «воспитывать человечество», задумавшись «как спасти наш народ»²⁶.

А.И. Солженицын как и И.Р. Шафаревич, призывал власть вершить *русский разворот* политического курса энергично, пользуясь выгодной международной обстановкой. США временно слабы, проиграв войну «маленькому Северному Вьетнаму»²⁷. Солженицын обоснованно отвергает многопартийно-демократический проект для современной России. Подразумевая Запад, показывает вред политиканства, «ухлопывающего» массу времени «на избирательную кампанию» и «угождение массе». Солженицын напоминает о возможности манипуляций со стороны «внутренних группировок» и «иностранных правительств», «эмоционального самообмана» народа, отсутствия гарантий правоты «воли большинства». Поэтому он настаивает на проекте просвещённого национально-ориентированного «авторитаризма» для России²⁸.

Солженицын идёт вслед Пушкину, которому была ненавистна лицемерно-пошлая западная «демократия». Он идёт путём главнейших свободно-консервативных мыслителей: от К.Н. Леонтьева и В.В. Розанова до И.А. Ильина и П.А. Флоренского²⁹. Писатель и на основании своего исследовательского опыта историка Февраля 1917 г. также как его гениальные предшественники убедился в демократическом «позоре» «многопартийных» ликвидаторов русского царства. Никакая демократия западного типа не поможет насущной необходимости обеспечения «внутреннего, нравственного, здорового развития народа»³⁰.

Невозможно перечислить в коротком материале все значимые мысли и предложения Солженицына, обращённые к советскому руководству в том духе, который был характерен уже для «Записки...» 1811 г. Н.М. Карамзина и аналогичного материала Ю.Ф. Самарина «Чему должны мы научиться?» 1856 г., а также некоторых других шедевров русской мысли (статьи А.С. Пушкина «Александр Радищев», философские размышления В.А. Жуковского и т.д.)³¹. Кстати,

и судьба этих памятников Русской мысли сходна. Длительное время все они были засекречены, что явилось самоубийственным «самосдерживанием» России, руководство которой и при Николае Павловиче, и при Леониде Ильиче не поняло элементарной вещи, давно понятой, кстати говоря, англосаксами.

Убийственно и не благородно (погречески говоря, не аристократично) для великой страны-цивилизации заниматься политикой «сдерживания умов», преследуя первых мыслителей, к которым бы наоборот надо прислушаться. Сторонники Русской традиции всегда призывали верховную власть не препятствовать «совместничеству умов», как блестяще эту «карамзинско-пушкинскую» мысль выразил кн. П.А. Вяземский, но этой элементарной истины не поняли ни в позднее - царское, ни в советское время, что во многом и обусловило крах 1917 и 1991 гг.³² Солженицын столь же верно сознаёт необходимость «свободной колосьбы мыслей», убеждая Политбюро, что поощрение духовной и идейной свободы во имя отечества «быстро избавит вас от необходимости всё новые идеи с запозданием переводить с западных языков, как это происходит все полвека...»³³.

Показывая верхам плодотворные возможности использования умственной свободы, Солженицын в «Письме» предлагал выставить новые вехи, указывающие внутреннее направление развития «сверхдержавы». Тем более, что нас боится Запад, чем надо пользоваться («Не пропустите момент», – призывал писатель)³⁴. Писатель побуждал выйти из «тупика цивилизации», которая нами была заимствована («раковой опухоли» урбанизма, забвения спасительности крестьянского быта, подражательности западной «технической» религии или веры «в прогресс»). Запад из него выйти не в состоянии, а Россия, обладающая неизмеримо большим духовным наследием, освободиться от губительного плена западных иллюзий может и должна. Он призвал «решительно выполнить свой долг – отказаться

от мёртвой буквы ради живого народа», не затягивать вослед «за другими мучительную петлю до конца, пока мы ещё недостаточно в неё вперорлись»³⁵.

Писатель справедливо критиковал западнистскую теорию конвергенции³⁶, противостоя как верхам, которые были «рады обманываться», подсознательно удовлетворяясь, что «мы их почти догнали», так и космополитической интеллигенции, исповедовавшей те же иллюзии прогрессизма. Другими словами, он стал бороться как против полумёртвого «марксистско-ленинского» официоза, не понимавшего цивилизационной противоположности России и Запада, и пошедшего в 1950–1960-е гг. на поклонение потребительской цивилизации, так и против космополитичной интеллигенции (А. Сахарова и т.д.). Эта борьба Солженицына сотоварищи «на два фронта», – за «национальное перевоспитание» Руководства, то есть западников-марксистов, сидевших в Политбюро и т.п., и против западнистской диссидентуры³⁷ была прямой аналогией дореволюционного противостояния Пушкина сотоварищи из лагеря свободных защитников Русской идеи (народно-царско-православной) и «официальной России». Поэт-гений и его последователи (славянофилы и почвенники) также противостояли как «петровскому» политическому классу, хранителю подражательной «санкт-петербургской цивилизации», так и западнической «интеллигентщине», её обслуживавшей (Ф. Булгарину и т.п.)³⁸.

Таким образом, Солженицын после окончательного расставания с марксизмом (его искания отражены в романе «В круге первом») присоединился к сторонникам «пушкинской» традиции Русского возрождения на своей духовной и самодержавно-политической основе. Эта эпоха борьбы за самобытность шла с перерывами на протяжении двух веков, и полностью не завершена до сих пор. Она не изучена исследователями в её полноте, объединяющей дореволюционный и пореволюционный периоды в одну «петровскую эпоху» (неда-

ром наши левые радикалы называли Петра «первым большевиком»). Здесь нет возможности разворачивать эту тему, но указать на неё необходимо.

Замечательно точно, в духе Ф.М. Достоевского, К.Н. Леонтьева и В.В. Розанова Солженицын указывал, что России пора бросить вьезшуюся в неё подражательность. Он уточнял, что мы безмысленно и «слепы за западной цивилизацией», несмотря на возможности «центрального планирования»: «уж у нас-то была... возможность не испортить русской природы, не создавать противочеловеческих миллионных скоплений. Мы же сделали всё наоборот», в частности, «измерзопакостили широкие русские пространства и обезобразили сердце России, дорогую нашу Москву», наляпав «подражания Западу вроде Нового Арбата». Следовал призыв: «очнёмся», «повернём с места»³⁹.

В духе национальной традиции Солженицын доказывает недопустимость чрезмерной «централизации... духовной жизни», когда старые провинциальные культурные центры влечат жалкое существование и даже «Питер затускнел совсем». Далее следовали рекомендации, аналогичные «розановским», по подъёму национальной школы, семейного быта с предоставлением матери семейства возможности «не нуждаться в отдельном заработке». Ведь вынужденные пятилетки, обернувшиеся и «подрывом семей», когда женщина взяла в руки лом, теперь в прошлом, и можно заняться «физическим и духовным здоровьем народа»⁴⁰.

Солженицын, кроме платонического стремления к *Русской правде*, как высшей ценности, усвоил от предтеч *русизма* и этос благородно-мужественного стояния за неё. Писатель, возможно, даже не задумываясь, типологически повторил сам образ поведения своих великих предшественников, не смущавшихся тем, что они меньшинство, которое верхи «не слышат». Он следовал сократическому призыву «делать, что должно». Предваряя возможные сомнения верхов о мотивах «Письма», мыслитель указал на исповедуемый им этос во имя правды.

Солженицын пишет, что не преследует «никаких личных целей» (это было очевидно), не дорожит «материальными благами» и «готов пожертвовать жизнью»⁴¹.

Солженицыну веришь. Поняв нечто «самое, самое главное», как спел однажды В.С. Высоцкий, писатель чувствует «тяжелую ответственность перед русской историей». Он, поэтому, «не мог молчать» как и Лев Толстой. Модус жертвенного служения у них, очевидно, тождественный (здесь нет возможности сравнивать доли «про» и «контра», определяя соотношение истинного и сомнительного в конкретных мыслях и обобщениях этих писателей-классиков). Поэтому мы вспоминаем настоящего титана нашего времени, обращая внимание на его бесспорные достижения, главное из которых было возвратом в самобытное лоно национальной духовной и идейной традиции.

На этом главном фоне идейных достижений и жертвенности служения *Вечной России* бледнеют исторические ошибки и недочёты писателя-мыслителя, конечно, также очевидные, например, некоторая доля доверия Западу, бывшая у него до очного знакомства с ним. Оказавшись «на той стороне», «на чужом берегу» А.И. Солженицын усилил цивилизационную критику Запада, элементы которой были у него очевидны уже и в отечестве до 1974 года (год высылки). Достаточно познакомиться с его пространством «Письмом к вождям», написанном в 1973 году, упомянутом в начале статьи. Впрочем, разговор об этих прозрениях ещё советского периода Солженицына, а также выявление соотношения между его явными достижениями и просчётами – дело дальнейшей исследовательской работы историков, занимающихся интеллектуальной историей или историей идей, а также близких к ним по проблематике литературоведов.

Моей целью был показ очевидной «встроенности» национально-ориентированных идей А.И. Солженицына в общерусский свободный национально-консервативный комплекс воззрений классической

христоцентричной словесности, явленный уже во второй половине XVIII века и плодотворно развивающийся до сего дня. Цель всех наших классиков мысли и слова была по-пушкински едина: осознать идейный комплекс, составляющий самобытную *Русскую идею*, предложить его политической элите во имя торжества нашего «национального возрождения» с целью завершения «подражательного» санкт-петербургского периода модерна и утверждения во всей полноте «самобытной» цивилизации Москвы – Третьего Рима.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Пыльцын А.* Солженицын – классик лжи и предательства // Русская народная линия - https://ruskline.ru/analitika/2014/02/05/solzhenicyn_klassik_lzhi_i_predatelstva (дата обращения: 12.09.2022).
- ² Это изменение воззрений А.И. Солженицына отчасти отражено в его романе «В круге первом».
- ³ *Солженицын А.И.* Письмо вождям Советского Союза // Солженицын А.И. На возврате дыхания: Избранная публицистика. – М.: Вагриус, 2004. С. 154.
- ⁴ *Казин А.* Был прав и ошибался // Литературная Газета. 2010. № 37 (6281); *Севастьянов А.* Глыбы, люди, эпоха // Литературная Газета. 2010. № 31 (6474). С. 3.
- ⁵ *Маслов В.* Не верю! // Литературная Газета. 2007. № 21 (6121). С. 4; *Горбунов Ю.* Читая напутствие А.И. Солженицына «Жить не по лжи» // Электронное издание «Литературной Газеты». 2018 URL: <http://lgz.ru/blog/chitaya-gorkogo/chitaya-naputstvie-a-solzhenitsyna-zhit-ne-po-lzhi-ili-dva-kodeksa-zhi/> (дата обращения: 10.09.2022).
- ⁶ *Пушкин А.С.* О народном воспитании (1826) // Полн. собр. соч. в 10 томах. Т. 7. М.: Наука, 1964. С. 43.
- ⁷ *Пушкин А.С.* Александр Радищев (1836) // Там же. С. 360.
- ⁸ *Пушкин А.С.* Денница (1830) // Там же. С. 112-113 (курсив мой. – В.Ш.).
- ⁹ *Пушкин А.С.* История русского народа (1830) // Там же. С. 133 (курсив мой. – В.Ш.).
- ¹⁰ *Пушкин А.С.* Письмо к издателю (1836) // Там же. С. 481-482 (курсив мой. – В.Ш.).
- ¹¹ *Распутин В.Г.* Он вернулся на родину как апостол // Труд. 5 августа 2008. № 143
- ¹² Споры о Солженицыне // Культура (газета). 24.09.2014.

- ¹³ См. *Флоренский П.А.* Столп и утверждение Истины (1914). М.: АСТ, 2003. С. 246.
- ¹⁴ *Лимонов Э.* «Большое» интервью к 75-летию на ГТРК России («Россия 24») // URL: https://www.vesti.ru/videos/show/vid/746209/cid/1/#/video/https%3A%2F%2Fplayer.vgtrk.com%2Fframe%2Fvideo%2Fid%2F1763760%2Fstart_zoom%2Ftrue%2FshowZoomBtn%2Ffalse%2Fsid%2Fvesti%2FisPlay%2Ftrue%2F%3Facc_video_id%3D746209 (дата обращения: 12.09.2022).
- ¹⁵ См.: *Свиридов Г.В.* Музыка как судьба. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2017. 795 с.
- ¹⁶ *Маслов В.* Указ. соч. С. 4.
- ¹⁷ См.: *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях (1811). М.: Наука, 1991. С. 35.; *Пушкин А.С.* История Петра // Полн. собр. соч. в 10 томах. Т. 9. – М.: Наука, 1965. С. 386.
- ¹⁸ *Севастьянов А.* Указ. соч. С. 3 (курсив мой. – В.Ш.).
- ¹⁹ *Пушкин А.С.* Ты просвещением... (1827–1836) // Полн. собр. соч. Т. 3. – М.: Изд. АН СССР, 1963. С. 391.
- ²⁰ Известно высказывание «деревенщика» В.П. Астафьева: «Все мы вышли из “Матрёниного двора”». Рассказ «Матрёнин двор» был написан Солженицыным в 1959 г.
- ²¹ *Тютчев Ф.И.* Россия и Германия (1844) // Полн. собр. соч. и письма в 6 томах. Т. 3. М.: Изд. центр «Классика», 2003. С. 115, 119 и др.
- ²² *Пушкин А.С.* «История поэзии» С.П. Шевырева // Полн. собр. соч. в 10 томах. Т. 7. С. 397, 399.
- ²³ *Солженицын А.И.* Письмо вождям... С. 147.
- ²⁴ Там же. С. 148-149.
- ²⁵ Там же. С. 150.
- ²⁶ Там же. С. 154, 171
- ²⁷ Там же. С. 172
- ²⁸ Там же. С. 175-176.
- ²⁹ См., напр.: *Розанов В.В.* О подразумеваемом смысле нашей монархии (1895). СПб.: Изд-во А.С. Суворина, 1912. С. 10, 13, 73, 82-86 (доступно современное издание этой работы); *Флоренский П.А.* Предполагаемое государственное устройство в будущем: Сборник архивных материалов и статей / Сост. игумен Андроник (Трубачев). М.: Изд. Дом «Городец», 2009. С. 7-15.
- ³⁰ *Солженицын А.И.* Письмо вождям... С. 178.
- ³¹ См., напр.: *Самарин Ю.Ф.* Статьи. Воспоминания. Письма / Сост. Т.А. Медовичева. – М.: Изд. центр «ТЕРРА», 1997. С. 74-88.
- ³² *Вяземский П.А.* Записка о князе Вяземском, им самим составленная (1828–1829) // URL: http://dugward.ru/library/vyazemskiy/vyazemskiy_zapiska_o_knaze_vyazemskom.html (дата обращения: 12.09.2022).
- ³³ *Солженицын А.И.* Письмо вождям... С. 179.
- ³⁴ Там же. С. 172.
- ³⁵ Там же. С. 158.
- ³⁶ Там же. С. 156.
- ³⁷ См.: *Солженицын А.И.* Наши плюралисты (1982) // *Солженицын А.И.* На возврате дыхания. Избранная публицистика. М.: Вагриус, 2004. С. 286-320.
- ³⁸ Подробнее см.: *Шульгин В.Н.* Русский свободный консерватизм первой половины XIX века. – СПб.: Нестор-История, 2009.
- ³⁹ *Солженицын А.И.* Письмо вождям... С. 155-159.
- ⁴⁰ Там же. С. 165-168.
- ⁴¹ Там же. С. 180-181.

A.I. SOLZHENITSYN AS A SUCCESSOR OF RUSSIAN NATIONAL TRADITION

© 2022 V.N. Shulgin

Kaliningrad Branch of the Academy of Geopolitical Problems

The social and political views of A.I. Solzhenitsyn represent an organic part of the Russian free conservatism tradition that emerged after the French Revolution and matured after the 1812 due to N.M. Karamzin, V.A. Zhukovsky, A.S. Pushkin, F.I. Tyutchev, and their successors. The clear “consonance” of the ideas of A.I. Solzhenitsyn and his predecessors in the Russian tradition of the conservative originality is expressed in their rejection of imitation of Western culture and in the direct “genetic” relationship of their ideas.

Keywords: intellectual history of Russia, free conservatism, Russian uniqueness and originality, ideology, imitativeness of “semi-educated” intelligentsia in the XIX century and “intelligentschina” in the XX в.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-3-98-106

*Vladimir Shulgin, Doctor of History, Active Member of the Academy of Geopolitical Problems.
E-mail: shulgin_vladimir@mail.ru*